

СЕРГЕЙ ОКСАНИН

КЛУБ САМОУБИЙЦ

КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ЗАВЕЩАЛ ВСЕ СВОЕ МИЛЛИАРДНОЕ СОСТОЯНИЕ
ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЛЕЧЕБНИЦЕ

Сергей Оксанин
Клуб самоубийц
Серия «Детектив с
трогательным финалом»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69538876

Клуб самоубийц: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-190759-4

Аннотация

Череда жутких самоубийств в центре Европы. Полиция догадывается, но не может доказать, что все они были тщательно подготовлены «Клубом самоубийц», затаившимся под вывеской частной психиатрической клиники. Клиника специализируется на лечении склонных к суициду лиц. Методы лечения – странные и сомнительные и стоят немалых денег.

Как-то клуб заказывает обязательный аудит. И полиция начинает шантажировать аудитора, чтобы добыть с его помощью нужную информацию. Но у психиатра клиники тоже имеется на него компромат – интимный и совершенно неприглядный. Теперь перед главным героем стоит непростая задача – не только выполнить работу, сохранить репутацию и получить баснословный гонорар, но и остаться живым. Не появится ли в вечерней газете объявление о его самоубийстве?

Содержание

Вместо предисловия	5
Настроение	6
Свидание	11
Встреча	18
Договор	22
Разведка боем	29
Тренировка	37
Засада	43
Дерево решений	54
Работа	61
Сиеста	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Валерьевич Оксанин Клуб самоубийц

*Моему самому преданному читателю
посвящается*

© Оксанин С.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Вместо предисловия

С самого начала эта детективная история задумывалась в неразрывной связи с театром и кино. Поэтому было невозможно не рассказать об экранизациях Стивенсона, особенно о полной юмора русской версии, в которой зловещая фигура Председателя клуба была изображена буквально на холсте в стиле Пикассо. Тема Пикассо требовала продолжения, поэтому на стене кабинета секретаря клуба главный герой детектива увидел «Голову женщины», или «Портрет Доры Мар-ар», таинственная судьба которой позволила автору таким образом продемонстрировать всеисилие Председателя. Каково же было удивление автора, когда он узнал, что после публикации детектива в интернете у таинственных владельцев картины, похищенной когда-то с яхты саудовского принца, проснулась совесть и они решили вернуть ее человечеству.

Настроение

Телефон молчал. Кофе уже не бодрил, а только добавлял кислоты мундштуку всегда такого мягкого, а сегодня непривычно едкого «шакома»¹. Странно: вчерашний вечерний чай завершился одной получасовой пятидесятиграммовой порцией «очентошена»², а горечь во рту стояла, будто после попойки. Это все от настроения. Он вяло поднял утреннюю газету, где сообщалось о традиционном ужине Национальной ассоциации аудиторов. В этом году даже приглашения не прислали. Я – никому не нужен.

Пётрович положил недокуренную трубку в пепельницу и встал из-за стола. Сегодня даже матерное приветствие на дубовой кайме обтянутого зеленой кожей стола, *старый...*, выцарапанное когда-то накачавшимся барбитуратами внуком в подарок стареющему под сводами замка деду (стол был куплен Пётровичем за бесценнок при описи имущества ветерана колониальных войн, мерзкая *царапись* была стерта и заново отлакирована в цвет толковым краснодеревщиком, но со временем научилась проглядывать под косыми лучами солнца, заходившего на свой полуденный полуоборот как раз напротив окон кабинета главы аудиторской фирмы), сейчас

¹ *Chacom* – марка французского производителя курительных трубок.

² *Auchentoshan* – марка известного шотландского равнинного односолодового виски с очень небольшим содержанием торфа в солоде.

этот циничный и нелепый парафраз эпохи студенческих революций язвительно скреб своего визави: ты думаешь, что к тебе это не относится?

Пётрович сдвинул на *царапись* недочитанную утреннюю газету. Если ты выжил в своем амфетаминовом аду, почитай, какие таблетки сегодня популярны у твоих ровесников во времени, когда они громят витрины аптек и соседних ювелирных магазинов, – передовице удалось поймать в кадр подпиравшего спиной фонарный столб, сидящего на тротуаре юнца, раздвинутые ноги которого заполнила, не кровью же, неприличная лужа. Мне это неинтересно.

Он подошел к драцене³. К ней Любляне прикасаться было запрещено. Секретарша, она же уборщица кабинета и приемной, всегда старательно вытирала пыль с полок, уставленных кодексами правил, привычек, чести и бесчестья, с рамок любимых хозяином кабинета репродукций, со стола, чернильного прибора. Макетный нож всегда был отполирован и звал к бою. Только с кем? Не с самим ли собою? Да, настроение... Сегодня репродукции вечности съезживались до кособоких диснеевских картонных гномов. Великий фантазер, извлекаемый из недр центра вселенной парижским экспресом, смотрелся головоногим моллюском. Охотники, шатаясь по снегу, возвращались не из леса с *добычью*, а с обычной воскресной пьянки в заимке, куда лесник принес им дохлую лису, теперь притороченную к поясу одного из гуляк, для от-

³ *Draceana* (лат.) – «самка дракона». Декоративное домашнее растение.

мазки от вечно недовольных жен. Вот драцена, *драконочка* моя, – другое дело.

Нет, и здесь дело плохо. Кто сказал, что ты неприхотлива в уходе? Эй, вы, любители таблеток, разгромите в следующий раз магазин того самоуверенного цветочника. Неделию назад, заметив пожелтение на кончиках листьев, Пётрович спешно направился к нему за советом: раз кончики желтеют, значит, не хватает влаги, попрыскайте на листья. И листья стали ожидаемо склоняться вниз и опадать.

Пётрович взглянул на часы сначала на настенные, потом на наручные. «Ленцкирх», как всегда, запаздывает, но самому (скажу Любляне) подводить стрелки не хотелось⁴. Без четверти *вольфштунде*⁵. Это правило он установил давно – до одиннадцати ни капли. Ему он следовал неукоснительно, давая слабину только во время аудита заполярных шахт, где (то ли разница во времени, то ли обильное вечернее застолье с белой рыбой и баней) появлялись и русалки, но *аквавита* всегда брала верх, давала о себе знать настолько, что наутро «час волка» наступал много заранее⁶. Но сегодня... пусть Заполярье переместится в центр Европы. Пётрович подошел к стойке бара, стоявшей рядом с камином. Бюро располага-

⁴ *Lenzkirch* – коммуна в земле Баден-Вюртемберг, Германия. Курорт, с 1851 года – производитель часов.

⁵ *Wolfsstunde* (нем.) – «час волка». Разговорное русское обозначение времени открытия винных магазинов.

⁶ *Aqua vita* (лат.) – живая вода. Распространенное общее название крепких, часто самогонных напитков.

лось на верхнем этаже старого здания, когда-то отапливаемого углем и дровами. Свой камин хозяин кабинета разжигал только один раз, когда заселялся в это бюро, но – симметрично бару – законченность образа – ты был и останешься пижоном, рядом с другой стенкой камина была сложена элегантная поленница дров. Пётрович открыл дверцу бара. Коньячные императоры, ромовые крутые, так вызывающе приподнятые бедра, *ниньо досе*, нет, сегодня не ваш день⁷. Он запустил руку в глубь бара и выудил бутылку с домашним, сваренном в гараже виски. Все-таки чему-то в этой жизни я научился.

Пётрович наполнил мерную, с отсечками миллилитров, рюмку, опять взглянул на часы (подход к бару и выбор напитка занял пару минут), аккуратно наклонил рюмку к стакану. Так, теперь еще пара минут, пусть виски в стакане вздохнет и выдохнет, а остаток уляжется на дно мерной рюмки, чтобы потом одной долгой слезой соскользнуть к своим без одной капли пятьдесят. Он вернулся к столу, уселся в кресло, взял трубку, чуть придавил большим пальцем недокуренный табак, зажег спичку, подождал, пока она разгорится, и поднес к чашке «шакома». Теперь не подведи. И действительно, трубка не подвела его. Кислота исчезла, затяжка получилась долгой и томной. Он искоса взглянул на «ленцкирх». Еще пара минут. Нет, правило есть правило, Заполярье, возвращайся домой. Он придвинул к себе пачку корреспонденции – од-

⁷ *Ninho doce* (браз./порт.) – сладкое гнездышко.

на реклама, что там про бюстгальтеры с чашечкой (Любляна что, не просматривает почту, вынимая ее из ящика, или она намекает на очередной подарок?), как вдруг из глянцевого пачки выскользнул нестандартного узкого формата конверт. Машинописный петит. «В Пётрович Аналитикс. Др. Пётровичу лично». Совершенно не к месту он вспомнил эпизод из русского довоенного фильма про цирк, где актриса, натуральная блондинка, произносила фразу, ставшую в этом кабинете сакраментальной: «Пётрович, ай лав ю!» И тут же «ленцкирх» начал отбивать наступление «часа волка».

Свидание

Пётрович торопился на свидание. Год закончился очень плохо. Заказов не было. Аудитор, когда-то бравший на грудь металлургические гиганты, не смог устоять под прессом конкуренции лощеных аудиторских домов, таких как братья Клемен, и довольствовался теперь оценкой мелкого, никому, кроме дотошных наследников, не нужного имущества, так что для выплаты обещанных рождественских премий пришлось даже занять у тетушки и потом объявить об увольнении. Любяну он предупредил заранее, что к ней все сказанное в праздничный вечер отношения иметь не будет, но она хорошо подыграла и первой, подняв на вздохе свой немалый, Максим Горький, что твоя Леска, размер, закатила глаза. Поэтому сегодня утром, готовясь к встрече, он поймал себя на мысли, что собирается (только розочки в петлице не хватало) как на свидание. Несмотря на необычайность ситуации, он не мог упустить этот заказ. Просьба как раз была самой рядовой – провести проверку первичной бухгалтерии и выдать заключение для представления в официальные инстанции. Но вот заказчик... «Клуб самоубийц». Когда Пётрович прочитал это письмо, он вместо традиционно потягивания домашнего напитка (у него даже солод сушился на настоящем торфе) выпил свой полтинничек залпом. И – полез в справочник статистического управления.

Да, «Клуб самоубийц» – некоммерческая организация, филиал международного благотворительного фонда, основана, зарегистрирована, код налогоплательщика, лицензия министерства здравоохранения, адрес и так далее. Уставная деятельность – терапия психических расстройств. Да, вот еще что. Находится под патронажем прихода святого Николая.

Пётрович налил себе еще одну порцию виски и со стаканом направился к книжным полкам, в угол, где хранились обрывки воспоминаний детства и осколки кризиса среднего возраста. Поставив стакан между «Эпохой крестовых походов» Лависса и Рембо и «Варварскими нашествиями» Люсьена Мюссе, он приподнялся на цыпочки, секретарша, когда протирала пыль с верхних полок, забиралась, предварительно сняв туфли (жесткое требование хозяина кабинета) на антикварный *ладдер*⁸ из орехового дерева, переехавший в этот кабинет вместе со столом, чтобы достать из длинного разноцветного ряда историй искателей самых невероятных приключений томик Стивенсона. Детские книги стояли так плотно, что попытка вышла не совсем удачной, и вместе с приключениями принца Флоризеля из книжного ряда выскочили «Записки о Шерлоке Холмсе», Пётрович попытался их удержать, но руки не хватило, и история великого сыщика грохнулась на пол. Дверь тут же открылась на шум, и в кабинет вошла Любляна.

– Шеф, что случилось? А-а, книга, да? – Секретарша гра-

⁸ *Ladder* (англ.) – небольшая приставная библиотечная лестница.

циозной рысцой подбежала к книжной полке, наклонилась и подняла томик Конан Дойля. – Шеф, а это хорошая примета, – Любляна смахнула с «Шерлока Холмса» пыль, – книги падают к благоприятным делам на работе. Ждите заказа.

Несмотря на свою молодость, она была настоящим кладом суеверий, примет и гаданий.

– Так, откроем на первой попавшейся странице и посмотрим, какой мы получим заказ. – Секретарша открыла книгу, задумалась, затем перевернула несколько страниц и протянула книгу Пётровичу: – Вот, «Последнее дело Холмса». Шеф, – Любляна жалобно взглянула на своего покровителя, – мы закроемся?

Аудитор ласково потрепал девушку по щеке:

– Не волнуйся. Это просто так называется последний рассказ из первой книги о Шерлоке Холмсе. После этого у него была масса других интересных заказов.

Но на душе заскребло, нет, это были не кошки, а тот самый перочинный нож, который навечно оставил о себе память на письменном столе. Стивенсона можно было уже не открывать. Он не был суеверным, но к детским книгам относился очень трепетно и, как один из его любимых героев, сам нет-нет да и гадал на их страницах. Куда ни кинь... Здесь – Мориарти, а там – Председатель.

– Слушай, – Пётрович решил выкинуть дурные предчувствия из головы, – пойдем пообедаем?

Любляна радостно вскинула брови, затем руки, обняла

своего благодетеля и приникла к его губам долгим поцелуем. Виски тут же отозвался на жар ее тела, но Пётрович слегка отстранил ее. Нет, это сейчас будет лишним.

– Я посижу до полудня, подумаю. А ты пока вот что. Сходи-ка в библиотеку, поройся в газетных подшивках и сделай мне подборку самых резонансных самоубийств за последнее, ну, скажем, пять лет. А оттуда – прямо к Максу. Я тебя там буду ждать.

Городская библиотека находилась за углом, на площади, и секретарша не раз исполняла подобные поручения, тем более что они не были очень сложными, поскольку несколько лет назад городские власти профинансировали создание электронного каталога и поиск необходимой информации очень упростился. Но сегодня поручение выглядело совершенно необычным. Поэтому брови опять поднялись, на этот раз вопросительным домиком. «Здорово у нее это получается – двигать бровями», – подумал Пётрович.

– Потом, потом. Завтра, – закрывая тему и не только тему, сказал аудитор. Он достал бумажник (поиск в электронном каталоге стоил небольших, но денег) и вытащил оттуда мелкую купюру: – Этого хватит?

И сейчас в трамвае (аудитор уже давно передвигался по городу в общественном транспорте) он открыл папку и принялся перечитывать ксерокопии, сделанные накануне секретаршей. Информации было немного, но Любляна хорошо сделала свое дело. В одной заметке трехлетней давности

рассказывалось о таинственном случае на озере в Рейнен-зиштадте, где на берегу нашли аккуратно сложенное пальто, во внутреннем кармане которого была обнаружена записка: «Завершив свои дела в этом мире и выполняя свой долг перед своими товарищами по несчастью, предаю свое тело воде. Ганс Бауэр». Газета сообщала, что тела найти не удалось, равно как в департаменте полиции не смогли ничего рассказать о субъекте по имени Ганс Бауэр. Но намек на товарищей по несчастью дотошным журналистом был истолкован правильно, и он попытался проникнуть в «Клуб самоубийц». Там его не совсем вежливо встретили, что укрепило автора статьи в предположении, что исчезнувший имярек был членом этого клуба. Следующая заметка, вышедшая две недели спустя, сообщала, что тела так и не нашли, а данных о предполагаемом самоубийце нет даже в департаменте социального обеспечения. Потом было несколько коротких заметок из уголовной хроники за разные годы о случаях самоубийства на почве ревности, бедности и *пропавшести*. И самый, действительно резонансный, свежий материал о несчастном случае с молодым человеком, случайно застрелившим себя из отцовского пистолета, что бесстрастно зафиксировал объектив кинокамеры, установленной невезучим юношей напротив себя. Сообщалось, что уголовная полиция будет устанавливать причины происшедшего, но далее – Пётрович как-то пропустил этот случай, но Любляна его хорошо помнила, поэтому, как она выразилась, послала *к ежикам* электрон-

ный каталог и перерыла вживую весь недавний столичный архив, – ничего.

Аудитор уже не стал вчитываться в последние два листа. Короткая заметка – «Несчастный случай на вокзале» – в вечерней газете, и крикливое – «Несчастный случай? Самоубийство? Убийство!» – воскресного «желтого» издания, которое рассказывало, как пожилой чиновник, возвращаясь с рыбалки, упал с перрона вокзала в курортном местечке, надо же, опять Рейнензиштадт, под поезд.

Пётрович тяжело вздохнул и закрыл папку. Пока он читал, трамвай покинул деловой центр и сейчас направлялся к элитному парковому пригороду, поэтому пассажиров почти не осталось. Напротив, на задней площадке (Пётрович сидел спиной к направлению движения) примостился какой-то старый букинист в издавшем, наверное, даже не виды, а настоящие морские баталии, потрепанном матросском жилете, с перевязанными бечевкой стопками книг, мерно покачивавшихся на стыках рельс рядом со своим хозяином. А вот и конечная остановка. Пётрович поднялся, сделал было шаг навстречу, чтобы помочь библиофилу спуститься с его поклажей (кто знает, может, это и мое будущее), как вдруг старик, неожиданно шустро для своего возраста, подхватив одну стопку под мышку, а другую – в свободную руку, буквально соскочил с подножки трамвая и, немного подволакивая левую ногу, проворно заковылял по мощеному, здесь еще в прошлом веке, тротуару. Пётрович вышел из трамвая,

посмотрел на номер дома напротив остановки и, пожав плечами, двинулся в противоположном направлении.

Встреча

Нет, это все-таки оказалась деловая встреча, а не свидание. Клуб располагался в старинном здании английского викторианского стиля из красного кирпича, увитого по самые подоконники и карнизы зеленым плющом, но это было последнее, что могло навеять мысли о романтическом свидании. Дверь клуба открыл настоящий громила, мышцы и жесты которого не мог скрыть даже добротный сюртук камердинера с отороченными позолоченным шитьем лацканами. Согласно полученной во вчерашнем письме инструкции Пётрович протянул громиле визитную карточку, приложенную к приглашению, тот молча взял ее, оглядел посетителя с головы до ног, вновь взглянул на карточку, повертел ее негнушными пальцами и наконец, сделав шаг назад, распахнул дверь, тем самым, а не жестом руки, приглашая Пётровича войти. Аудитор вошел в полутемный коридор, услышал, как за спиной закрывается дверь, стало совсем темно, повороты ключа в замке – и легкий толчок в спину. «Это что – на расстрел?» – подумал Пётрович и, дернув плечом, повернулся спиной к стене, слабым отсветом отражавшей тусклый свет в конце длинного коридора. Громила широким шагом вышел вперед и, не останавливаясь, молча двинулся на этот тусклый свет. Аудитор последовал за ним. Если мне когда-нибудь взбредет в голову идея самоубийства, я вспомню

этот коридор и все сразу встанет на свои места.

В конце коридора неожиданно стало совсем темно, поскольку громилы закрыл собой весь дверной проем. Но он тут же сделал шаг в сторону, и Пётрович вошел в слабо освещенную приемную. Так, это — чистилище, но что-то уж слишком изысканное. Подумалось, что такому убранству приемной мог бы позавидовать даже ныне покойный прежний хозяин письменного стола. Настенная, наверняка антикварная, бронзовая лампа освещала тяжелые гардины, диван, журнальный столик, два кресла (интересно, кто из них самый старый?), небольшую горку, увенчанную хрустальным блюдом со стаканами и графином с водой. Ни ковра, ни ковровой дорожки, но паркет, штучный, дубовый, так тщательно всеми своими разных оттенков древесными *светами* отражал каждую крупницу тусклых лучей бронзовой лампы, что по нему невольно хотелось пройти на цыпочках.

Громилы открыл дверь кабинета, вошел внутрь и закрыл дверь за собой. Наступила тишина, Пётрович опять посмотрел на паркет (интересно, поднялась бы на такое рука обкуренного любителя *царписей*?), как вдруг дверь кабинета открылась, из проема полувыглянул громилы и жестом руки (ага, здесь, перед хозяином, надо соблюдать этикет) пригласил аудитора войти.

Пётрович было и вошел, но тут же остановился на пороге. Ничего похожего с приемной. Просторное помещение, функциональная, светлая, сборная мебель, на полу мягкий

светло-серый ковролин и, самое главное, широкие, с тонкими прозрачными занавесками окна, выходящие в уютный, совсем не викторианский, а такой же светлый внутренний двор. Стеклянная дверь сбоку оконного проема была открыта, и Пётровичу показалось, что он слышит журчание фонтана. Аналитический ум, отточенный не только годами цифровых дорожек, но и немислимыми раскладами старого польского преферанса, моментально выдал свое заключение – игра контрастов. Терапия психических расстройств.

Хозяин кабинета, поднявшийся из-за стола навстречу гостю, казалось, излучал саму благодать. Средний рост, не сильно выдающийся живот под клетчатой, в ласковые коричневые, это вам уже не паркет, тона, дорогой шерсти, с обшитыми пуговицами жилеткой, на разрез которой спускалась средней *окладости* седая борода. Мелькнуло – Оле-Лукойе, как тут же край зрения поймал стоявшие в подставке два зонтика, один – черный, другой – разноцветный. Подставка была свободная, и зонтики не были застегнуты, а, полуоткрывшись, стояли буквой V под (нет, это не может быть репродукция, она же нигде не выставлялась. Какой, *к ежикам*, край зрения? Смотри во все глаза: неужели оригинал?), разноцветный зонтик буквально был готов выпрыгнуть из подставки в объятия своей, такой же разноцветной хозяйки. «Голова женщины». Пикассо. Тысяча девятьсот тридцать восьмой год. «Герника» осталась там, за спиной, в тысяча девятьсот тридцать седьмом, в темном коридоре, по дороге

в чистилище приемной. Да, министерство здравоохранения не зря им выдало лицензию.

Договор

Хозяин кабинета радушно развел руки:

– По вашей реакции я вижу, что мы не зря наводили справки и выбрали именно вас. Позвольте представиться. Доктор медицины Пихлер, секретарь клуба. Прошу, – и он указал на один из стульев, стоявших перед рабочим столом.

Аудитор взял стул за спинку, тот оказался очень легким на подъем, на стыках заметны изящные винтовые отверстия (да, эта та самая скандинавская сборная мебель, которая сейчас входит в моду), пододвинул его к столу и, положив папку на колени, осторожно присел. Ничего, крепкий. Оле-Лукойе сел на свой, точно такой же стул и положил руки на стол.

– Доктор Пётрович, клуб благодарен вам, что вы приняли его приглашение. Но – перейдем сразу к делу. Я сейчас вам вкратце расскажу о деятельности клуба и сделаю предложение. Если мы договоримся, а я надеюсь, что мы договоримся, то я приглашу вас на небольшую экскурсию по клубу и заодно в ваш кабинет, в котором собрана вся бухгалтерская документация, там, где вы будете работать. Итак, клуб представляет собой некоммерческую организацию, взносы, доходы, расходы, мы ежегодно сдавали отчетность в департаменты финансов и статистики и платили налоги с чистых доходов. Но с этого года (здесь дело не в некоммерческом предприятии, а в том, что мы работаем под лицензией ми-

нистерства здравоохранения) нас обязали подтверждать отчетность аудиторской справкой. На сегодняшний день членами клуба являются тридцать три человека, которые платят членские взносы. Они-то и составляют основную массу поступлений. В клубе работают на постоянной основе шесть сотрудников: я как секретарь клуба, моя жена (она же хостесса, на ней сервировка аперитивов и обеды для персонала), Курт (камердинер, с ним вы уже познакомились). – Пётрович повернул голову, но за спиной никого не было. – Не волнуйтесь, он уже давно вышел, горничная, которая помогает Курту обслуживать гостей, наш массовик, который организует, скажем так, светский досуг членов клуба, и психиатр, на попечение которого как раз и находится душевное состояние членов клуба. Ведь я – доктор общей практики, так сказать, терапевт, что тоже приветствуется министерством, но наличие дипломированного психиатра необходимо для получения соответствующей лицензии. Их заработная плата и текущие уставные издержки составляют основную массу расходов клуба. Также у нас есть соглашение с внештатным юристом, который оформляет сами договоры. Есть еще священник (мы находимся под патронажем прихода святого Николая), но он работает на общественных началах, правда, в знак благодарности мы осуществляем финансирование некоторой деятельности прихода. Это то, что я определяю в отчетности как прочие расходы. Да, все делопроизводство веду я, мне приходилось ранее работать администратором

больницы, здесь такая же больница, так что на мне сбор всех документов и заключение договоров как с работниками, так и с членами клуба.

– В справке департамента статистики, – аудитор решился взять слово и показать свою осведомленность, – также сказано о заграничном благотворительном фонде.

– О, вы, я вижу, подготовились к встрече, – Оле-Лукойе одобрительно покачал головой. – Да, мы созданы международной благотворительной организацией. Но к нашей отчетности это отношение не имеет. Конечно, фонд является конечным бенефициаром, поэтому чистый доход направляется в его распоряжение. Но это, как у вас принято говорить, забалансовый вид деятельности.

– Тогда позвольте еще один вопрос. – Пётрович уловил благожелательный кивок и продолжил: – Членские взносы доходами не являются. Значит, существуют прочие доходы?

– Да, – секретарь сложил руки на груди. – К сожалению, далеко не всех членов клуба удастся убедить отказаться от навязчивой идеи, поэтому, согласно типовому договору, после смерти члена клуба все его имущество переходит в собственность клуба. Хотя в обязанности юриста и входит проверка достоверности информации о финансовом и имущественном положении будущего члена клуба, но иногда и он допускает промашку. Постфактум нам иногда приходится сталкиваться с неимущими. Именно поэтому, во избежание риска банкротства, в клубе установлен высокий членский

взнос. Ну а если юрист допускает такую промашку, то от его услуг отказываются. К сожалению, нынешнее поколение уже растеряло навыки средневековой деловой усидчивости. За последние годы мы были вынуждены дважды менять юриста, одного как раз совсем недавно.

Пётрович сделал знак рукой, показывая, что ему есть что сказать по этому поводу, но Оле-Лукойе поднял ладонь:

– Да, я знаю, что ваш профессиональный устав разрешает вам заниматься опекунской деятельностью, в том числе управлением чужим имуществом по доверенности. Но уверяю вас, что здесь вам незачем будет этого касаться. Договор с членом клуба составлен так, что клуб становится правообладателем и единственным наследником всего имущества. Несмотря на риск недостоверной информации, мы считаем нетактичным требовать от новоприбывшего, по сути душевно расстроенного человека, документально заверенную опись его имущества. Такая форма договора облегчает и отношения постфактум с родственниками члена клуба. Так что вам вменяется в обязанность только проверить достоверность первичной финансовой документации, сделать ее свод и представить справку о ее достоверности. Сделать это надо в течение календарного месяца, и за все за это, – секретарь приоткрыл боковой ящик стола и достал оттуда широкий конверт, – вам полагается... Открывайте. – Он положил конверт на стол и движением руки пододвинул его к аудитору.

Пётрович открыл конверт и достал сложенные вдвое листы. Это был договор. Наискось просмотрев первую страницу (ничего особенного, стандартный договор, образец взят в библиотеке), он взял вторую страницу. Ого! Держа листы договора в руке, аудитор поднял глаза на собеседника.

– Да-да, мы считаем, что такая работа в таком месте стоит таких денег.

Из опасения выдать свои эмоции Пётрович опустил глаза и вновь уткнул их в договор. Аванс в тридцать процентов. Но гонорар... гонорар равнялся сумме, полученной когда-то за аудит небольшого медеплавильного завода, который он делал три месяца с командой из пяти человек.

– Думаю, что вы понимаете, – продолжал секретарь, – почему мы не обратились с такой деликатной просьбой в престижную аудиторскую компанию, к тем же братьям Клемен. Каким бы ни было требование конфиденциальности, компания есть компания. Старший партнер перекладывает работу на младшего партнера, а если нет, то младший партнер играет с секретаршей, которая печатает заключение. Информация так или иначе расползается по ее коридорам. Поэтому-то у нас соглашение с независимым юристом, а не с юридической фирмой.

«Они уже знают, что я уволил всех своих сотрудников, – догадался Пётрович, – надо же, и от пустых коридоров бывает польза». Он взглянул на третью страницу. Там уже были пропечатаны его реквизиты и реквизиты секретаря. Аудитор

поднял голову.

– Не волнуйтесь, у меня есть право подписи. Конечно, как в каждом приличном клубе, у нас есть и председатель. Но он редко появляется здесь. Если необходимо, я составляю ему корреспонденцию до востребования. У него много дел по всему миру. Так что, как я вам и сказал, все бумаги подписываю я. Знаете, что такое психология чиновника? Взяв наши бумаги, он тут же, как и вы, посмотрит в статистический справочник и увидит наш тип деятельности. А на всех наших бумагах – подпись доктора медицины. Конечно, наш психиатр имеет все профессиональные полномочия, но какой чиновник будет рыться в аттестатах, увидев подпись доктора медицины?

Пётрович согласно качнул головой – разумно, достал из правого внутреннего кармана именной «Каран д’Аш», индивидуальный заказ, тетушкин подарок на юбилей, и поставил свою подпись⁹.

– Вот и славно. – Секретарь быстро расписался на положенном ему месте и достал из стола еще два конверта, один такой же широкий, а другой – узкий, того самого нестандартного размера, в котором было прислано приглашение сойти в ад. Да, именно сюда, подумал Пётрович. Ах ты, старый сказочник, вот он, твой черный зонтик. Его вдруг охватил охотничий азарт, посмотрим, кто – кого, все тело приобрело

⁹ *Caran d’Ache* – швейцарская компания, выпускающая эксклюзивные письменные принадлежности.

упругость, ну Любляна, сегодня вечером – держись. – Вот ваш экземпляр, – Оле-Лукойе поставил свою подпись и вместе с узким конвертом протянул его аудитору, – и чек на аванс.

Секретарь подождал, пока аудитор уложит конверт с договором в свою папку, а чек – в левый внутренний карман, и встал из-за стола.

– А теперь – прошу на экскурсию.

Разведка боем

В трамвае он почувствовал, как все тело обмякло. Нет, сегодня Любляне придется довольствоваться только хорошей новостью о контракте. Экскурсия, если разведку боем можно было назвать экскурсией, отняла все силы.

Встав из-за стола, собеседники направились в угол кабинета, примыкавший к оконному проему. Пётрович увидел в стене небольшую дверь. Секретарь открыл ее и первым вышел из кабинета.

Это тоже был коридор, не такой длинный и очень светлый – его правая стена была почти вся из стекла, коридор огибал по периметру внутренний дворик. А вот и фонтан. Левая стена была увешана репродукциями известных полотен. Одни импрессионисты.

– Мы стараемся, чтобы интерьер поднимал настроение. А кто лучше импрессионистов может поднять настроение?

– Скажите, а кто, – Пётрович вежливо решил поддержать беседу, – выбирает, какие репродукции вешать?

– Председатель. Все решения по интерьеру принимает только он.

Собеседники повернули за угол. Здесь тоже висели репродукции. Но совсем другие. Некрополь в самом центре Европы. Пётрович замедлил шаг. Некоторых он узнавал сразу, других – подсказывали медные таблички на рамках. Ко-

пии барельефов, картин, фотографий. Галерея самоубийств. Аудитор скользнул взглядам по веренице народных трибунов, царей и императоров древности (интересно, куда ведет эта закрытая широкая дверь) и направился в конец коридора, где угадывались знакомые лица. Ван Гог, Джек Лондон, Фридрих Крупп, Чарльз Ротшильд, дальше – Хемингуэй, а здесь – фотография: обритая голова, здоровенный лбище.

– Ма-я-ков-ски, – по слогам прочитал Пётрович и повернулся к Оле-Лукойе.

– Это – один русский поэт. Не очень у нас известный, но – председатель настаивал.

А за фотографией Хемингуэя висела пустая рамка. Аудитор опять обернулся к секретарю.

– А это – часть нашей терапии. Ее предложил массовик, он циник (за это мы его держим), он проводит членов клуба по этому коридору с насмешками, вот он и предложил повесить пустую рамку, чтобы на ваш вопрос вы слышали ответ: может, это будет ваша фотография, но только вначале надо выбросить всю дурь из головы, покинуть клуб, сделать в жизни что-нибудь значительное, стать знаменитым и только потом – вернуться сюда. Председатель одобрил эту идею. И знаете, многие из наших членов, тех, кто расторгает договор (да-да, у нас никакого принуждения), говорят, что на них этот довод подействовал.

– А права на имущество, – наконец Пётрович начал работать, – они восстанавливаются с расторжением договора?

– Конечно, – широко развел руки Оле-Лукойе. – Только мы (как правильней это сказать, ну вы увидите в документах, поскольку накладные расходы на содержание клуба в расчете на одного его члена посчитать достаточно непросто: кто-то участвует в наших мероприятиях больше, кто-то меньше) поэтому при расторжении договора взыскиваем сумму, равную вступительному взносу.

– А о каких мероприятиях, – азарт продолжал захватывать, – идет речь?

– Вечерние аперитивы, постановка спектаклей. Посещение увеселительных заведений, театров, варьете. Это основная работа массовика. Поездки в горы. Там уже подключается и психиатр.

Собеседники повернули за последний угол. Опять репродукции. Но теперь – одни итальянцы.

– А здесь, – секретарь окинул коридор руками, – собраны репродукции самых известных произведений на религиозную тему. Наш приход очень одобряет эту галерею.

– Я вижу. – Пётрович подошел к «Мадонне» Рафаэля. Интересно, что рассказывает здесь их массовик? Скабрезные анекдоты про Форнарину? Вопрос почти сорвался с языка, но аудитор удержался и вместо этого спросил:

– А что психиатр делает в горах?

– Вы это увидите в отчетах о поездках. Билеты на прыжки со скалы.

– Зачем?

– Игра со смертью. Это часть его метода. Но его метод, он точно не имеет отношения к вашему заданию.

– Хорошо, – аудитор согласно кивнул головой, – а если мне в документах покажется какая-то его деятельность, скажем, не совсем уставной, смогу ли я задать психиатру уточняющие вопросы? Или тому же массовику? Походы в варьете, они же бывают разные.

С лица секретаря сошел флер учтивости.

– У нас не принято друг друга лишний раз беспокоить. Если у вас возникнут вопросы, то на них вы получите ответы от меня. А вот и ваш кабинет.

Он открыл маленькую дверь по соседству с входом в туалетную комнату.

– Простите, у нас нет специального помещения. Та дверь, на которую вы обратили внимание в середине центральной галереи, ведет в общую залу. Она окаймлена отдельными кабинетами, задернутыми портьерами. Это на тот случай, если кому-то из членов клуба захочется уединиться. Но все это: и кабинеты, и сама зала – только для членов клуба. Поэтому пришлось попросить Курта срочно прибратся в кладовой – для вашей работы.

Пётрович заглянул в кладовую. Стены были еще влажными от недавней побелки. Посреди комнаты стоял стол с набором письменных принадлежностей, пишущей машинкой, калькулятором и пепельницей. К стене прислонился стеллаж (вот где ты, громила, хранишь свои *причиндалы*), на кото-

ром аккуратными стопками были сложены документы и в несколько рядов стояли справочники. Маленькое полупрозрачное окошко и на правой стене под потолком зарешеченная вытяжка (хорошо, будет проветривать трубочный дым) завершали нехитрый интерьер его на месяц рабочего кабинета.

– Замечательно. – Пётрович позволил себе засунуть руки в карманы. Как-то неловко получилось с психиатром. – Скажите, а где вы ставите спектакли? Вы же сказали о постановках.

Лицо Оле-Лукойе опять приобрело благодушное выражение.

– Во внутреннем дворе. Мы заказываем много лет одной и той же строительной фирме сцену и скамейки для зрителей. Они приезжают и за день все аккуратно сколачивают. К сожалению, ни у них, на фирме, ни тем паче у нас нет места для хранения этого реквизита. Поэтому постановки не так часты, поскольку скамейки и сцену каждый раз приходится сколачивать заново. Конечно, это накладно, вы увидите в документах, но это – часть нашей работы. В прошлом году мы поставили самого «Гамлета».

– А что, среди членов клуба есть женщины?

– Нет. Это запрещено уставом. Поэтому на роли Офелии и Гертруды наш массовик подобрал приглашенных артисток. Они приезжали дважды: на генеральную репетицию (на первых прогонах их реплики подавал массовик) и на сам спек-

такль. Но они приезжали поздним вечером. Думаю, что они даже не знали, где выступают. Гертруда была так себе, но Офелия... Она играла без грима. Он ей был не нужен. Такое вдохновленное лицо, – Оле-Лукойе даже немного закатил глаза, – пепельные кудри, миндалевидный разрез глаз... А формы... – но, закатившись, глаза вернулись на свое место, – да, а скамейки и сцену, вы это тоже увидите в документах, я списываю на отопление камина в зале. Курт их компактно распиливает и складывает на заднем дворе.

Пётрович было двинулся внутрь кабинета, но его мягко удержала рука секретаря:

– В понедельник. Еще успеете. Вы же чувствуете, что краска не успела высохнуть. Еще простудитесь. А я сейчас попрошу Курта поставить обогреватель, так что за выходные все высохнет. Здесь еще надо провести кнопку звонка для вызова горничной – вы же будете обедать и пить кофе? Да, забыл сказать. Ваш рабочий день здесь будет начинаться с утра, а вечером вы можете уходить пораньше. У вас же могут быть в бюро и другие дела, не так ли? Так что телефон вам здесь не понадобится. На входе в клуб, на стене, вы, наверное, заметили телефонный аппарат. Но это – для членов клуба. А для вас, если будет что-то неотложное, телефон в моем кабинете – всегда к вашим услугам. И, конечно, сегодня вы первый и последний раз пришли и уйдете с папкой. Все записи остаются здесь, все необходимые справочники, – секретарь показал на стеллаж, – находятся также здесь, если

что-то будет еще необходимо, я вам принесу, а ваши рабочие записи из бюро... Мы считаем, что ваша квалификация позволяет вам держать всю необходимую информацию в голове.

Они пошли обратно, и Оле-Лукойе взял аудитора под руку.

– Думаю, что это – лишнее и что вы сами понимаете, что разговоры с членами клуба для вас строжайше запрещены. Да, и не пытайтесь разговорить горничную – она немая от рождения. Но замечательно слышит и все понимает. Я это говорю потому, чтобы предварить ваш вопрос, когда вы будете смотреть документы о специальном оборудовании, установленном в клубе. Да, особенность нашей деятельности такова, что мы ни на минуту не можем оставить без внимания наших пациентов. Даже здесь.

«Старый сказочник, ты мог бы этого и не говорить. – Пётрович еще в первой галерее обратил внимание на видеокамеры под потолком. – Что они, репродукции охраняют?» И следующий вопрос выскочил сам собой:

– Скажите, а в вашем кабинете Пикассо, это...

– Да, это оригинал. Недавний подарок председателя. Клубу.

– А почему – Пикассо?

– Вам не доводилось смотреть экранизацию Стивенсона, сделанную русскими? Нет? Мерзкая вещь. Но многие члены нашего клуба ее смотрели. А там председатель клуба самоубийц изображен демоном, да еще при помощи жалкой па-

родии на Пикассо. Председатель был очень этим задет. Я тогда получил от него такое пространное письмо: да, он пишет мне письма – без адреса. Председатель вообще не любит суеты. У него есть здесь, в городе, доверенное лицо, кто – я не знаю, но которое периодически опускает конверты без надписей в почтовый ящик. И вслед за этим письмом я получаю уведомление от центральной почты о ценной бандероли на мое имя. Привожу ее сюда, открываю, а там – Пикассо. Поэтому, когда теперь новоприбывший появляется в моем кабинете для подписания договора, на реплику «а каков на самом деле из себя Клетчатый? (так авторы фильма вульгарно обозвали тамошнего председателя) я отвечаю вопросом на вопрос: «А каков, по-вашему, настоящий Пикассо?» – и показываю на картину.

– А бандероль, она пришла откуда?

– Зачем вам это знать?

– Ценная вещь. Если это подарок клубу, то он должен быть и в описи, и в балансе.

– А зачем департаменту финансов знать о Пикассо? – рука секретаря плотно сжала локоть Пётровича.

Это рукопожатие, по сути, и было прощальным. Высокие договаривающиеся стороны прошли длинным коридором, где на пороге, пожелав друг другу удачного завершения дня, расстались до понедельника.

Тренировка

Ночь он провел очень беспокойно. Пётрович вернулся домой только под утро. Попытался заснуть, но пиковые тузы, короли, дамы и валеты кружились в голове невообразимыми раскладами. Несколько раз он вставал покурить, включал телевизор, брался за книгу, вроде засыпал, но опять просыпался. Прошедший день не выходил из головы. Вернувшись в бюро, он первым делом вызвал Любляну, дал ей чек (та от радости захлопала в ладоши: «Контракт, да? Я же говорила, что книга – к успеху»), попросил отнести чек в банк, получить по нему треть суммы наличными, а остальное положить на счет. Оставшись один, он взялся было за томик Стивенсона, который так и лежал на столе, но тут же пошел и поставил его на место. Какая-то чушь. До конца дня оставалось еще несколько часов, но Пётрович повернулся к стойке бара, достал бутылку коньяка, бокал и вернулся к столу. Сделав глоток, он вдруг подумал, что не так все плохо. Есть еще целых два дня на подготовку. Первым делом завтра утром к тете – отдать долг. Он поднял трубку, набрал номер, дождался тетюшкиного мелодичного «алло-о?» и порадовал ее сообщением об утреннем визите. Вернусь от тети – нарисую дома «дерево решений». В воскресенье приду сюда и раскидаю по «дереву» все материалы о филиалах международных фондов и некоммерческих организаций. А сегодня – что? Мо-

жет, все-таки – Любляна? Только сейчас он вспомнил, что, войдя в приемную, секретарша тут же встала из-за стола, он автоматически отметил ее ту самую мини-юбку. Если я угадал ее настроение, то, когда она вернется из банка, зайдет к нему в длинном пальто. Мои реквизиты, как, надув губки, она называла этот наряд, обычно предшествующий вечеру вдвоем. Нет, надо, чтобы голова отвлеклась, серьезно отвлеклась, на что-то другое. А то мне и на ее бедрах (он сделал глоток: автор «Острова сокровищ», это – за тебя) будет видаться пиковый туз. Туз! Сегодня же пятница! Вот что мы сделаем. Пойдем в карточный клуб и сыграем «по маленькой» несколько партий в белот¹⁰.

Дверь отворилась без стука, и Любляна, распахнув длинное пальто и постукивая каблуками высоких, блестящими голенищами обтягивающих ноги сапог, подошла к столу и села в кресло напротив. Она достала из сумочки конверт, пачку сигарет, зажигалку и, протянув конверт своему начальнику, закурила. Пётрович взял конверт, достал деньги, отсчитал несколько купюр, вложил их обратно в конверт, засунул его в левый внутренний карман, застегнул тот на пуговицу, затем открыл сейф в правой тумбе стола и положил туда остаток суммы. Теперь – неприятное объяснение.

- Послушай, милая, мне сегодня надо кое-чем заняться.
- В пятницу вечером? – одна бровь взлетела вверх.
- Да, в пятницу вечером. С понедельника я буду появлять-

¹⁰ *Белот* – карточная игра в 32 карты.

ся здесь только к концу дня. И так в течение целого месяца. Предстоит много работы, так что сегодня надо кое-что подготовить. – И, глядя на надутые губы, он решил немного подсластить пилюлю и задать вопрос, который ей наверняка поднимет настроение, потому что он заранее знал ответ: – Послушай, а как у тебя выходит – так двигать бровями?

– Получается? Ты – заметил? Это – от уроков актерского мастерства.

Каждый вторник, второе занятие приходилось на утро субботы, Любляна уходила пораньше – брать уроки в театральной студии.

– Какой ты у меня все-таки душечка! – Любляна обежала стол, сесть на колени в его кресле у нее не получалось, всегда мешали высокие подлокотники, поэтому она слегка откатила кресло, забралась на стол, раздвинула ноги, открыв тонкую, интимную, но (все-таки ей не откажешь во вкусе) совершенную непрозрачность колготок, положила ноги на эти самые подлокотники, подкатила ногами кресло к столу, наклонилась и поцеловала его.

Поцелуй получился долгим, девушка не могла отказать себе в театральности, а Пётрович – не хотел лишать ее этого мимолетного удовольствия в благодарность за столь короткое объяснение.

Наконец пара разомкнула объятия, Любляна таким же непринужденным жестом – ногами – откатила кресло и встала со стола, демонстративно оправляя (что ты делаешь, там

даже нечего оправлять) свою мини.

– Тогда я позвоню Милене и приглашу ее на ужин. Я же теперь могу себе позволить пригласить? Это – была предоплата? За срочную работу?

– Можешь. Думаю, что ты можешь себе позволить еще что-нибудь. Это был аванс за ответственную работу.

– Ого! Так я что, могу даже пройтись по магазинам?

– Можешь, но, – Пётрович встал с кресла и легко коснулся губами ее щеки, – в пределах сметы.

Секретарша рассмеялась и чмокнула его.

– Тогда я – побежала?

– Беги, беги, – и, когда секретарша повернулась, чтобы выйти из-за стола, Пётрович ласково шлепнул ее.

Любляна почти добежала до двери, как вдруг повернулась:

– Милый, если надумаешь – звони, – и послала ему воздушный поцелуй.

Он был членом двух карточных клубов, одного – элитного, а другого – много проще, располагавшегося в районе центрального вокзала. В элитный клуб идти не захотелось, там не отвлечешься, все время надо думать о том, какое впечатление ты производишь на потенциальных клиентов. А в игорном заведении все было гораздо свободнее. Оно располагалось в подвале старинного дома еще той эпохи, когда вокзал строился совсем без расчета на будущий центр города, а на его прежнюю торговую окраину, поэтому

клуб, несмотря на крикливую неоновую вывеску «Трумф», с незапамятных времен носил прозвище «таможни»¹¹. Разношерстная публика, играли в основном по маленькой, большие игры устраивались в частных домах. Но вчерашний вечер запомнится надолго. Терцы шли один за другим¹². «Маленькая» довольно быстро увеличивалась – партнеры хотели отыграться, предлагали повысить ставки, и Пётрович не возражал – терцы шли и шли. Но отвлечься все равно не получалось: «Клуб самоубийц» не выходил из головы. Пётрович загадал, выпадет ли ему тузовый терц в пиках или нет, но за весь вечер не то что в терце, даже «голый» пиковый туз ни разу не лег в его руку. Зато с каким необъяснимым, почти садистским наслаждением он бил козырем зловещую карту, когда пики обходили его стороной. К нему вдруг вернулся утренний азарт, тело вновь обрело упругость, да, еще посмотрим кто кого.

Уходя, конверт можно было оставить в бюро: отдать тебе долг хватит и с выигрыша, в гардеробе, надевая пальто и неудачно повернувшись, чтобы поймать рукав, он столкнулся с незнакомцем – длинный кожаный плащ и черная, надвинутая на лоб фетровая шляпа. Пётрович пробормотал извинение и хотел было спрятать от смущения глаза, как они вдруг остановились на незнакомце. Показалось, что его

¹¹ *Trumpf* (нем.) – козырь.

¹² *Терц* – в белоте и деберце выгодная комбинация из трех подряд карт одной масти.

шляпа медленно поднимается вверх над широко раскрытыми глазами. Но это продолжалось меньше мгновения. Незнакомец улыбкой принял извинения, обошел Пётровича и стал снимать у стойки гардероба плащ.

Азарт продолжал будоражить, удачливый игрок тоже подошел к стойке и взял трубку телефона. Слушая длинный гудки (неужели ужин с Миленой так затянулся, а они, наверное, в кино), край глаз отметил высокую, в малиновом вельвете спину, черные длинные волосы, оглаживаемые тонкими (бриллиант на безымянном пальце) руками (где-то я видел эти руки), и тут же – сонное «аль-о-о».

Засада

Тетушкин чай с бергамотом пришелся очень кстати. Пётрович уютно устроился в глубоком кресле, потягивал жгучий напиток и заедал его пирожками. Тетушка готовилась к его визиту.

– Я знаю, что ты пришел не за деньгами. – Она отхлебнула чай из блюдца и надкусила кусок сахара, лежавший рядом (*навечная привычка войны*). – Не в твоих правилах просить, не отдав прежде. Поэтому я очень, очень рада твоему сегодняшнему приходу. Лакомься. Но... Уже почти время обеда. Может, останешься? У меня рыбные тефтели. С овсяными хлопьями. Под томатным соусом. С капелькой лимона и красного вина.

Пётрович смаковал тетушкин домашний уют. Конечно, он останется на рыбные тефтели. Холостяцкий быт последних лет был неприхотлив, очень рационален, весьма комфортен, но ему не хватало теплоты женских рук. А здесь... Пётрович выдерживал паузу перед приятным для тетушки известием. Она никогда не работала, ее более чем обеспечивал муж, известный архитектор, она и сейчас жила на проценты с его сбережений, но всегда чем-то занималась. До войны – благотворительной деятельностью в театральных кругах, поддержкой забытых и начинающих актеров, (ей на это удавалось собирать с бомонда приличные суммы), во вре-

меня войны – Красный Крест. А последние годы, после смерти мужа, она переключилась на тему защиты животных, также собирала деньги на приюты, теперь для бездомных кошек и собак, выводила студентов на пикеты к городскому зоопарку и вела еженедельную колонку в дамском журнале. Она категорически не хотела переезжать за город – ей с избытком хватало роз под окнами – и продолжала жить в еще довоенном, окруженном с трех сторон садиком, изящном домике, поставленном по проекту ее мужа в самом центре богемного квартала.

– Ну, так – что? Тефтели?

Пётрович, дожевывая очередной пирожок, утвердительно заурчал. Тетушка допила свой чай, собрала приборы и вышла на кухню. Там послышалось стуканье сковороды. «Это не сковорода, а сотейник, сколько раз я тебе об этом говорила!» – тетушка постоянно корила его за приверженность к скорым готовым блюдам и настойчиво, но пока безуспешно агитировала его: «У тебя наверняка получится!» – научиться готовить. Потом что-то звякнуло, и тетушка появилась в гостиную, держа в одной руке два резных стакана, а в другой – такой же резной лафитник. Какой обед без ее кюммеля¹³.

Нет, он усмехнулся про себя: «От вас никуда не убежишь». Он вспомнил, как мальчишкой обрадовался, найдя на страницах «Прощай, оружие» это с детства знакомое слово. Но моя тетушка – не мисс Ван-Кампен, а я – не Фредерик

¹³ *Кюммель* – ликер на основе тмина.

Генри. Так что, Старик, спи спокойно.

– Тефтели разогреваются, на салат у нас редиска, сейчас принесу, и мы будем готовиться к горячему, – она поставила стаканы с лафитником на стол и опять вышла на кухню. Пётрович подождал, пока она не вернулась с двумя блюдами редиски, украшенными веточками сельдерея, взял лафитник и аккуратно наполнил по треть рюмки.

– Давай, дорогая, за твое здоровье, – он чуть взболтал напиток, кругом вдохнул его аромат, сделал большой глоток, улыбнулся и потянулся к редиске. Тетушка чуть пригубила и взяла веточку сельдерея.

Пётрович закинул голову. Тетушкин кюммель был не совсем обычным. Он встречал традиционным запахом тмина и вкусом аниса, сдобренного лимоном. Но когда напиток проходил, рот начинал наполняться густым и ярким ароматом меда. Подняв голову, можно было удержать этот аромат несколько минут. Добавлять мед в настойку ее научил пленный русский, который работал у соседей во время войны, немного помогавший с распилкой дров и им с мужем. А когда мед во рту начинал таять, его покрывал настоящий, садовый, свежий вкус редиса или сельдерея. Пётрович опустил голову и крякнул от удовольствия. Тетушка улыбнулась, встала, подошла к буфету, достала фарфоровую пепельницу в форме профиля слона и позволительно кивнула головой: теперь ты можешь покурить.

Пётрович благодарно кивнул головой и пододвинул к се-

бе пепельницу. Та была привезена из Северной Африки, из самой Касабланки, в самом начале войны. Пепельница специально предназначалась для трубок, которые можно было раскладывать в хоботе, голове и чреве слона. Тетушка ни в какую не соглашалась (это же «Касабланка», Хэмфри Богарт и Ингрид Бергман) отдать ее племяннику – раз нравится, значит, чаще будешь приходить. Пётрович набил выходной «данхилл», закурил, затянулся, выдержал паузу – и полез в карман за конвертом¹⁴.

Тетушка бережно приняла конверт двумя руками (все понятно, о чем идет речь: время рождественских подарков давно прошло), положила, не открывая, на стол и опять улыбнулась:

– Заказ, да?

– Да.

– В тебе можно быть уверенным, как в английской железной дороге.

После войны они с мужем ездили в Англию, он – по своим профессиональным интересам, она – за компанию, откуда они оба привезли (наша пунктуальность общеизвестна, но их дотошность и точность просто неподражаемы) восхищение не только замками и мостами.

– И – кто? Судя по той легкости, с которой ты расстался с конвертом, это что-то большое, типа завода, да?

¹⁴ *Dunhill* – торговая марка английского производителя сигарет, табака и трубок.

Пётрович привык делиться с ней деталями своих дел, да и она, моментально улавливая суть проблем, привыкла обсуждать с ним прибыли и убытки, но особенно – нечистоплотность ответственных работников его клиентов.

– На этот раз – нет, но, – тут Пётрович постучал трубкой о край пепельницы – слоник оказался совсем немаленьким, – сравнимый с заводом.

– А тогда – что это такое? Неужели – киностудия?

Тетушка мечтала, что когда-нибудь племяннику закажут аудит киностудии и она (чем я хуже мисс Марпл?) торжественно с ним под руку войдет в святая святых ее юности.

– Нет, не киностудия. Но это кино будет похлеще вестерна. – Пётрович допил рюмку, и тетушка, враз оживившись от предвкушения рассказа, тут же наполнила ее снова. Но она была настоящей женщиной. Тетушка подождала, пока он сделает глоток, закинет голову, опустит ее, крикнет от удовольствия, затаится, выпустит струю дыма, и только после сказала:

– Ну, не тяни. Рассказывай. Нет, подожди. Я вначале принесу тефтели, а потом – все узнаю.

Она торопливо встала, отодвинула стул и ушла на кухню. «Представляю, какое у нее будет лицо, когда ей все это расскажу», – подумал Пётрович. Вставать из кресла совсем не хотелось. Какое, *к ежикам*, «дерево решений».

Тетушка вернулась с большим блюдом, поставила его в центр стола, вернулась на кухню за тарелками, потом еще раз

– за приборами и корзиночкой хлеба, аккуратно подправила все расставленное и сложила руки лодочкой.

– Ну, давай.

– А ты – смеяться не будешь?

– Это что – цирк?

– Цирк, цирк. Оказывается, в нашем городе есть клуб, – он сделал паузу, – самоубийц. Который лечит своих членов за немалые деньги от их навязчивой идеи и который наследует имущество тех, кого вылечить не удалось.

Действительность превзошла ожидания. Невероятно открытые, до сих пор чудесные глаза, еще больше открытый (рюмка чуть туда не упала) рот, чисто женское на сильный напиток – б-р-р (рот оставался открытым, так туда тефтеля на вилке, еще разок – с хлопьями, запах от соуса уже кружил над столом), чисто мужское – быстрое повторное наполнение стакана. И – крик!

– Фу, хороша, да? Чего ты смеешься? Я залпом не пила лет сто!

Пётрович действительно не смог сдержать улыбки, глядя на то, как старая женщина остается без всяких на то усилий по-прежнему молодой.

– А они что, – тетушка опять наклонилась к тефтелям, – действительно заканчивают жизнь самоубийством?

– Далеко не все. Многих они отговаривают. У них же есть все: и прогулки по девочкам, и психиатр, и священник. Все, чтобы отговорить. У них даже есть лицензия министерства

здравоохранения.

– На что?

– На терапию психических расстройств.

– Ну, дают! А ты им зачем?

– Вот как раз наше министерство здравоохранения и потребовало от них аудит доходов и расходов. Как я думаю, чиновников заботит оборот наркотических препаратов, но они не знают, как подобраться к первичной документации. Вот и придумали такое требование. Я же буду должен дать расшифровку затрат на закупки. Чтобы их подтвердить.

– А ты знаешь (как же без ее любимого кино), что Стивенсона – его экранизировали?

– Да, мне вчера об этом рассказали. Русские.

– Про русских я ничего не знаю, а вот англичане в свое время сделали классный фильм. С Лавом Монтегю. Мы с мужем до войны посмотрели «Божественную леди». Она так шумно прошла. Еще бы, «Оскар». Лав там играл роль капитана. Это потом мы как-то забрели в район вокзала, увидели афишу и посмотрели тот немой фильм про твой клуб. Лав там играл принца Флоризеля.

– Мой клуб... Какой он – мой?

– Дорогой, ты же мне всегда говорил, что, как и у адвокатов, защита клиента – твой первостепенный долг. Так что это теперь – твой клуб.

Последняя фраза прозвучала как приговор. Не зная, куда спрятать глаза после такой точной, но не к такому же столу

сказанной мысли, тетушка стала нарезать хлеб, обмазывать его маслом и засуетилась над тарелкой с тефтелями. Пётрович последовал за ней.

– Да, знаешь, – тетушка не знала, как исправить свою бестактность, и, подбирая остатки соуса кусочком хлеба, сказала: – Я завтра иду в театр.

– На что?

– «Вестсайдская история». Мюзикл. Ой! – Она прикрыла ладонью рот и покачала головой.

– Что случилось?

– Ты знаешь, так говорил Хуберт, в эту задницу, – тут тетушка приподнялась с кресла, похлопала себя по заду и опять села, – еще в детстве кто-то засунул шило. Прости, я тебе сказала про «Вестсайдскую историю» и тут же вспомнила, что мы с ним в Англии смотрели мюзикл по Стивенсону. Даже два мюзикла. Один – про принца Флоризеля, а второй – про доктора Джекила и мистера Хайда. Это был какой-то провинциальный театр, получивший ангажемент вне сезона в самом Брайтоне. Нам понравилось. Там был такой актер, совсем мальчик, он играл Флоризеля и мистера Хайда. Впечатляюще. Но пресса приняла их в штыки. У меня где-то на чердаке – ты же знаешь, я сохранила все привезенное из Англии, – должны остаться газеты с их жуткими рецензиями. Если хочешь, я могу их тебе найти.

Пётрович встал, обошел стол и обнял тетушку за плечи:

– Не волнуйся. Все в порядке. Любая работа – это работа.

В конце концов, кто-то делает аудит отчетности госпиталей и кому-то приходится подшивать справки о расходах формалина. Кому, как не ветерану Красного Креста, это знать.

И он поцеловал ее в лоб.

Тетушка благодарно взглянула на племянника. На ее глазах выступили слезы:

– Может, еще чаю?

– Нет. – Но, чувствуя, что теперь так уйти нельзя, Пётрович произнес: – А вот еще одну трубочку под кюммель – это да.

На прощание он посидел еще добрых три четверти часа, но тетушка так и не смогла сдержать слез, переживая, что могла задеть своего, как она меня любит, единственного племянника, он крепко расцеловал ее щеки, достал салфетку, вытер ей щеки и лоб и ткнул салфетку в нос.

– Все. Перестань. Все будет хорошо. Я тебе *отзвонюсь*.

Он решил пройти до дома пешком. Богемный квартал жил своей жизнью. У освещенных дверных проемов кафе и баров толпились бродячие, еще верившие в свой успех художники и музыканты. В одном из окон он вдруг увидел Любляну, сидевшую напротив какой-то женщины с короткой стрижкой. Пётрович плечами надвинул на себя поднятый воротник, чтобы поскорее уйти незамеченным, но Любляна увидела его в освещении вывески кафе, радостно помахала рукой и послала пригласительный жест. Пётрович помахал ей рукой и покачал головой – нет, и тут ее собеседница повер-

нулась. Наваждение, но даже сквозь мутное стекло и тридцать лет Пётрович сразу узнал ее. Он остановился, но тут же повернулся и ускорил шаг. И сбавил его, лишь зайдя за угол.

Вспоминать не хотелось. Карта, ты забыла свои правила. Ты не можешь ложиться в одни руки второй вечер подряд. Или ты смеешься надо мной? Он поежился от холода. Да, вечер надо закончить пуншем. В конце концов, если это действительно была Кристина и если она – знакомая Любляны, то, значит, он сможет увидеть ее. Но – не сегодня. Сегодня надо выспаться. Под утро к себе он вернулся не потому, что азарт охватил его, а потому, что он его оставил. Любляна полночи промучилась, пытаясь оживить так знакомое ей тело. А это тело было занято головой, в которой гулким эхом звучало: «Может, это будет ваша фотография?»

Он свернул еще за один угол. Здесь, уже недалеко от дома, было кафе, которое заполнялось обычно по пятницам, а субботу обитатели квартала предпочитали проводить дома. Надо только скользнуть в проходной двор и повернуть налево. Почему-то он обернулся назад, и ему показалось, что за ним следует какая-то тень. Блажь. Но теперь точно через проходной. Он нырнул туда, прошел двором и вышел на тихую улицу. Так, давай сделаем шаг вправо – и подождем.

Он постоял несколько минут, наискось уютно сверкали огоньки кафе, да, блажь, и уверенным шагом пошел на свет. Он вошел, кафе было почти пустым, какой-то бургер сидел за стойкой, а за одним из столиков целовалась молодая пара.

Вам некуда деться? Возьмите ключи от моей квартиры. А я посижу здесь. Пётрович усмехнулся нелепым мыслям, подошел к стойке, забрался с ногами на стул, заказал большой стакан пунша и («Данхилл» доставать не хотелось) сигару.

Уехать бы сейчас туда, где я ни разу не был, нет, не в саму Гавану, а в ее предместье, где мать юных защитников революции, вооруженных «калашниковыми» и патрулирующих пляжи в мечтах поймать вражеских десантников, полуголая, в одной юбке, крутит точно такую же сигару, на которую падают капли пота с грудей, обвисших до колен от кормления этих самых революционеров, тогда – молоком, сейчас – нищенскими сентаво за десяток накрученных сигар, уткнуться в эти обвисшие груди и сказать – мама, я не буду защищать революцию, я буду защищать тебя. Он закрыл глаза, пытаясь представить *защербленное*, как оно может еще выглядеть, предместье Гаваны, но в эти закрытые глаза (да, карта, я знаю, за везение – надо расплачиваться) вплыла, сама – нет, не Куба, а – фотография, конечно, Хемингуэя. Кто-то легко тронул его за локоть:

– Как прошел визит в «Клуб самоубийц»?

Дерево решений

Пётрович резко повернулся налево. Бюргер, малоприметный господин в зимней куртке и вязаной шапочке, поднес к усам бокал пива.

– Доктор Пётрович, не смотрите на меня и продолжайте пить свой пунш. Позвольте представиться, – не поворачивая головы, сказал незнакомец. – Доктор Шнайдер, следовательно по особо важным делам. Не поворачивайтесь же. Они могут за вами следить.

– Кто?

– Как – кто? Ваши заказчики. «Клуб самоубийц».

– Так это они, – Пётрович вспомнил тень, – следили за мной?

– Нет. Это был мой человек. За вами трудно угнаться. Но на всякий случай давайте побеседуем незаметно. У меня к вам дело. Вы поможете мне, а я – помогу вам.

– Интересно, чем это вы мне можете помочь? – спросил Пётрович.

– Так сразу? Давайте лучше начнем с того, что вы можете сделать для меня.

– Хорошо.

– Недавно в одной очень известной и богатой семье произошёл несчастный случай. Наверное, вы читали об этом в газетах.

– Мальчик, который застрелился перед кинокамерой?

– Да. Дело в том, что он был членом этого клуба. И, согласно правилам этой поганой лавочки, все его состояние переходит клубу. А оно очень немаленькое. Предки этого мальчика все делали вовремя. Продажа земельных владений. Киностудия, потом производство оружия и, наконец, американские информационные технологии. Так что там – немаленькие миллионы. За два месяца до несчастного случая умер от рака отец мальчика, в прошлом известный военный. Полковник в отставке. Да, там есть и родственники – брат и сестра полковника, по правилу, установленному в этой семье с незапамятных времен, все наследство перешло к сыну. Родственники считают, что имело место тщательно подготовленное доведение до самоубийства, проще говоря – убийство. И что в этом каким-то образом замешан клуб. Как выгодоприобретатель. Вот мне и хотелось, чтобы вы помогли мне разобраться. Вы будете там бывать, читать документы. Присмотритесь к тамошнему персоналу. Особенно к психиатру. Он какой-то скользкий. Может, что-то и всплывет. Пока это все.

– Почему вы обратились ко мне?

– Потому же, что они. У них есть на вас компромат. Вас можно будет убедить. По правде говоря, именно они вывели меня на вас.

– Каким образом?

– Перед Рождеством их секретарь побывал у братьев Клемен. У меня с братьями давние хорошие профессиональные

отношения, и, когда меня руководство попросило заняться делом молодого самоубийцы, я с ними советовался по вопросам наследования имущественного права. Так что они знают об этом деле. Поэтому, когда секретарь им предложил аудит клуба, они вежливо отказались, сославшись на занятость, и сразу позвонили мне. Меня это заинтересовало, и я решил установить за секретарем наблюдение. И когда, позавчера, он опустил конверт в ваш почтовый ящик, я понял, кому они делают предложение. Сбор справок о вас занял пару часов. Но возникла загвоздка. Все-таки большие компании – это проходные дворы. Помимо официальной и прочей информации о вас я поинтересовался и мнением братьев Клемен. Они очень высоко оценили вас, но... Сейчас у них в деле повторная проверка одного старого заключения, подготовленного вами. Речь идет о металлургическом заводе. Там готовится раздел собственности, вот и было принято решение перепроверить отчетность за последние годы. Эту задачу поручили как раз братьям. И одно из ваших заключений у них вызвало вопросы. Я не стал вдаваться в тонкости, но, как они мне объяснили, ваше заключение можно интерпретировать либо в вашу пользу, либо, заподозрив в сговоре с одним из собственников, против вас. Доказать что-то будет трудно, но на репутации можно будет поставить крест. У них еще осталось время, и они пока не решили, какую оценку их фирма даст вашему заключению. Они даже подготовили два варианта заключения. Но готовили не они сами, а их младшие партне-

ры, которые, выходя с совещания (там обсуждался ваш вопрос) в приемную, продолжали жарко спорить на эту тему. А в приемной как раз ожидал встречи наш секретарь. Пройдя двор, я же вам говорю. Видите, какие у меня с ними доверительные отношения? Братья могли и не рассказывать мне об этом казусе. Но – рассказали, а поскольку они мне многим обязаны, то я их попросил отдать мне на временное хранение положительное заключение на вас. И они мне принесли его вчера вечером.

Пётрович протянул руку. Но следовательно, сделав глоток пива, покачал головой:

– Оно у меня в кабинете. Схема очень простая. Вы помогаете мне, и я отдаю его вам. Вы мне не помогаете – оно остается у меня, а братья Клемен выдают заказчику отрицательное заключение, – и следовательно еще отхлебнул пива.

Пётрович знал, о чем идет речь. Металлургический завод входил в консорциум с комбинатом, добывающим редкие металлы. Собственники завода и комбината были друзьями, но оценка передела в добыче, обогащении и плавке может испортить любые дружеские отношения. Тогда Пётровичу невольно, но необходимо было встать на чью-то сторону. Проблема заключалась в том, что на обоих предприятиях использовались архаичные системы учета, которые давали значительный разброс в оценках. Поэтому мнение аудитора имело большую ценность.

Он тогда встал на сторону комбината. И собственник за-

вода скрепя сердце был вынужден согласиться. Но это не прошло даром. Когда консорциум стал запускать проект автоматизации учета и логистики, а Пётрович уже тогда приобрел некоторый опыт в этой области, кандидатура его фирмы как генерального подрядчика проекта была отклонена. Тогда Пётрович не сильно расстроился, поскольку за его опыт в автоматизации учета сразу ухватился строительный концерн. Но боковым зрением (этот рынок не такой уж и большой, всем все известно) он следил за проектом в консорциуме, понимая, что результаты проекта там могут поставить под сомнение его прежнее заключение.

Сигара давно *стлела* в пепельнице, и Пётрович достал трубку и попросил бармена налить ему аквавиты. Следовательно усмехнулся:

– Я вижу, что вы согласны и уже входите в роль, доктор Ватсон.

– У меня там не так много возможностей. Общаться с персоналом и членами клуба мне запрещено. Только документы.

– Я не сомневаюсь, что у вас получится. Честно говоря, я готов вам отдать это заключение только за одно согласие помочь мне. Я же не шантажист. Просто меня достало с этим делом начальство. Семья-то известная. А я – тяну. При случае объясню почему.

– А как вы меня сегодня нашли?

– Мой сотрудник вел вас целый день. Хорошо, что у вашей

тетушки такая странная привычка не задегргивать шторы и что напротив ее дома есть несколько кафе.

«Это ее дурацкая любовь к Англии, точнее, к Шотландии, – в сердцах подумал о тетушке Пётрович. – Представляешь, в Эдинбурге на улице темно, поздний вечер, а все окна освещены и открыты. Никому нечего скрывать. Не то что у нас!»

Следователь допил пиво и положил на стойку несколько монет. Из-под его ладони выглядывал край визитной карточки.

– Если я вам понадобится – звоните. Встречаться будем так же, в каком-нибудь кафе. Вы играете в бильярд? Или я буду вам звонить. Предупредите секретаршу. Да, – следователь встал со стула и оправил шапочку, – забыл сказать. В том кафе, где сидел мой сотрудник, была и ваша секретарша. В компании с тетей этого юного самоубийцы. Может, это случайное совпадение, но, поверьте моему опыту, в нашем деле... – Тут он немного фамильярно похлопал аудитора по колену и повторил: – В нашем деле случайности могут оборачиваться очень крупными неприятностями. Давайте, до встречи. – И он вышел на улицу.

Пётрович выпил настойку одним глотком, зажевал конфеткой, лежавшей перед ним на маленьком блюдечке, вытащил из-под монет визитку – «Доктор права Рихард Шнайдер. Следователь. Главное следственное управление департамента юстиции» – и засунул ее в бумажник. Умница, ты же пла-

нировал на субботний вечер нарисовать «дерево решений». Вот оно и нарисовалось.

Неожиданно стало легко. Я же буду играть на стороне «хороших» – против «плохих». Ах ты, старый сукин сын! Нам не нужны братья Клемен! А сам ходил к ним. Получил *от луп*, но собрал на меня компромат. Вздумал посадить меня на *кукан*, да? Ну, ты теперь получишь по полной. Обрадовавшись этой мысли, он решил повторить аквавиту. Азарт опять охватил его. Расплачиваясь с барменом, он спросил: «Где у вас телефон?» Да, к Любляне. Отыгаться за вчерашнее. И заодно узнать, что ее связывает с моей студенческой любовью?

Работа

– Желаю удачи! – Оле-Лукойе улыбнулся и закрыл за собой дверь. Пётрович тяжело вздохнул. Вчера не получилось ни поработать, ни толком отдохнуть.

Он проснулся поздно, Любляна уже крутилась на кухне с завтраком. Он встал и пошел в ванную комнату. У Любляны был второй комплект всего необходимого: зубная щетка, бритва, халат, пара чистых рубашек и даже запасная трубка с пакетом «Алсбо голд», который он курил уже более четверти века.

Накинув халат, он вышел на кухню. Любляна тараторила не умолкая. Тема была та же самая, что и ночью, – Кристина. Девочка, если бы ты знала, кому ты обязана моей ночной настойчивости. Оказывается, она была преподавательницей актерского мастерства. Любляна все тараторила и тараторила. Богатая и именитая семья. Игра в девичью независимость. Отъезд из дома. Карьера малозаметной провинциальной актрисы. Неожиданное приглашение в столичный театр. Удачная роль в кино. Потом – второй план и опять провинциальный театр. Но, несмотря на безостановочную *тараторию* любовницы, Пётровичу было интересно ее слушать. Любляна еще раз повторила (это было сказано уже ночью, в паузе между *двумя затяжками*), что он, оказывается, произвел (не верю, что она могла видеть сквозь окно) большое

впечатление. Он вдруг почувствовал, что Любляна, раз уж начала повторяться, что-то не договаривает. Ничего, подождем, позавтракаем.

Но за завтраком ничего нового сказано не было, и Пётрович легко согласился на прогулку. Они сели на трамвай (Любляна жила в студенческом пригороде), они доехали до центра и зашли в парк. И только там девушка решилась. Оказывается, она рассказывала Кристине о своей работе. А она... Помнишь, тот несчастный случай с мальчиком? Это был ее племянник, я тогда поэтому так за всем и следила. Тогда Кристина была никакая. Ее старший брат умер незадолго до этого. А его предсмертной просьбой было как раз присмотреть за мальчиком. Она и переехала туда. Так что все потом произошло почти у нее на глазах. А вчера она спросила, можно ли ей обратиться к тебе, поскольку там возникли какие-то вопросы по наследству. Я не могла отказать. Прости, я знаю, что ты очень не любишь, когда личные вопросы вторгаются в работу, но я действительно не могла сказать нет. А сейчас решилась тебе рассказать, потому что сегодня ты какой-то миролюбивый.

Пётрович ласково потрепал ее по голове: «Пусть обращается».

И когда он вернулся домой, то весь вечер провел в воспоминаниях. На этот раз с «Роял опорто»¹⁵. Поэтому сегодня ожидаемо ломило виски. Он подошел к стеллажу, достал

¹⁵ *Royal Oporto* – сорт португальского портвейна.

папку «Учредительные документы» и уселся с ней за стол.

Так, документы о регистрации, справка из муниципалитета о собственности на участок земли и на дом, лицензия министерства здравоохранения, стоп – и он перевернул несколько страниц назад. Что-то там задело глаз. Так, под свидетельством о регистрации стоит подпись господина Пихлера. Вот это да! Страницы слиплись, их никто давно не открывал. Пётрович отогнул край свидетельства и увидел под ним на гербовой бумаге в пол-листа доверенность, выданную господином Гаем Фоксом, учредителем благотворительного фонда на острове Мэн, господину Антону Пихлеру на открытие филиала. Зарегистрировано юридической фирмой «Ламберт и сыновья». Англичане даже на бумаге экономят. А Гай Фокс – вообще для англичанина – круто¹⁶. И остров Мэн. Неужели офшор? Интересно бы поглядеть на учредительные документы самого фонда. Сделать запрос? Но в этих «...и сыновьях» точно пошлют *к ежикам*. С другой стороны, какое мне дело? У нас все зарегистрировано по правилам, а что там у них на острове Мэн... Но профессиональный зуд уже его не покидал. Вот что: я позвоню Херманну. Может, он поможет.

Интересно, присутствовал ли Оле-Лукойе (Пётрович посмотрел на адрес: Стипльчез-авеню, двадцать), когда эта до-

¹⁶ *Гай Фокс* – самый знаменитый участник Порохового заговора против Якова I в 1605 году. В Англии сложилась традиция отмечать дату чудесного спасения короля и в ночь на 5 ноября сжигать чучело Гая Фокса.

веренность выписывалась? Может, он вообще никогда не видел Гая Фокса? А если я подожгу чучело во внутреннем дворике, как он отреагирует?

Нет, надо что-нибудь выпить. Закажем кофе. Нет, швепс. *Малек* оттянет. Пётрович достал трубку и потянулся к кнопке звонка.

Он успел набить и закурить трубку, когда дверь отворилась и вошла служанка. Она вежливо поклонилась и даже слегка присела в книксене.

– Принесите мне, пожалуйста, биттер, – Пётрович задумался – лимонный или апельсиновый, пусть будет апельсиновый, – оранж. И кофе. Американо.

Служанка опять поклонилась и выскользнула за дверь.

Что у нас дальше? Договоры. Начнем с главного, и Пётрович вытащил из стеллажа папку «Договоры с членами клуба».

Сами договоры мне неинтересны: раз система работает, значит, с ними все в порядке. Но интересно, сколько эти самоубийцы платят за вход и за содержание. Он не успел дойти до цифр, как его ударило: ну, ты даешь. А отчетность? Он вскочил со стула, быстро нашел папку «Внешняя отчетность» и тут же, стоя, раскрыл ее.

Так, справка о поступлениях и выбытиях за прошлый отчетный период. Подписана доктором Пихлером. Нет, надо сесть на стул. Пётрович, покачивая раскрытой папкой, направился на свое место. Теперь понятно, почему они могут

себе позволить такой гонорар аудитору. Доходы клуба были сопоставимы с ювелирным домом. Сколько на самом деле ювелирный дом зарабатывает, он не знал, но другого сравнения подобрать просто не мог. Такие обороты я щелкал как орехи еще сразу после студенческой скамьи. Но это была большая текстильная фабрика. И там мне платили... Пётрович вдруг вспомнил, как они с Кристиной отмечали его первый гонорар. Он тогда решился пригласить ее в кафе, знаменитое своими бронзовыми плитами на полу, увековечившими имена знаменитых актеров, бывавших здесь. Прежде чем решиться, начинающий аудитор три раза приходил к кафе и просчитывал варианты меню, выставленное на бронзовой подставке на улицу, которое они смогут себе позволить. А потом...

Дверь отворилась, и вошла служанка с подносом. На нем красовались большая кофейная чашка, апельсин на блюдечке, чистый стакан и открытая бутылочка «Бойза»¹⁷. Она, улыбаясь, поставила поднос на свободное место с края стола, достала из передника меню, показала движением пальца крестик и осталась ждать.

Час от часу не легче! Я же просил «Швепс»! Он взглянул на улыбающееся лицо служанки. Ладно, будет что выпить за обедом. Он посмотрел в меню. Конечно, это не кафе актеров, но... Сардины или салат, гуляш или свинина с капустой, за-

¹⁷ *Boys Bitter* (англ.) – известная марка английского светлого эля с 3-процентным содержанием алкоголя.

хер или штрудель. И длинная линейка фруктовых соков. Он поставил галочки и вернул меню служанке. Та поклонилась – опять полукниксен – и вышла.

Давай вернемся к справке. А старый сказочник слукавил. В прошлом году взносы составили не более трети, а все остальное – реализация имущества, полученного по завещанию. Плюс дивиденды с акций и проценты с облигаций. Так, минус расходы. Чистый остаток за вычетом налога... И все это – Гаю Фоксу. На остров Мэн.

Пётрович сделал большой глоток кофе. Глядя на стеллаж, он подумал: «Интересно, что меня еще там ждет?» Казалось, что после Пикассо удивляться уже не придется, однако... Нет, срочно вернусь сегодня в бюро и позвоню Херманну. Пока я не пойму, чем занимается благотворительный фонд с острова Мэн, об анализе доходов можно забыть. Только посмотрим обороты по взносам. Пётрович открыл первый попавшийся договор. «Фридрих Хиршбюль». Стоп, это имя где-то мне уже встречалось. И совсем недавно. Да, рыбак, упавший под поезд в Рейнензиштадте. Значит, это был не несчастный случай, а самоубийство. «Энн Каренин», – цинично подумал Пётрович. Так, вступил в позапрошлом году. Квитанция об оплате вступительного взноса. Ого, а сумма входа далеко не маленькая. А где квитанция о годовом взносе за прошлый год? Фридрих Хиршбюль, ты тянул с оплатой взноса до самого Рождества или?... Интересно, а сколько ты оставил по завещанию клубу? Вернемся к доходам. Пётро-

вич быстро пробежал глазами список операций по приходу денежных средств и ценных бумаг, затем справки о реализации недвижимости. Фамилия «Хиршбюль» нигде не фигурировала. Так ты, Фридрих Хиршбюль, был бессребреником. А зачем ты тогда заплатил такой взнос? Ладно, мир праху твоему. Посмотрим другие папки.

Договоры с персоналом. Должностные инструкции. Зарплатная ведомость. Немаленькая. Здесь вряд ли есть что-нибудь интересное, но стаж, возраст и соответствующие социальные отчисления все-таки надо будет проверить.

Договор с юристом. Соглашение о расторжении договора. Пётрович посмотрел на дату. Как раз перед Рождеством. Вот кто поплатился, Оле-Лукойе же об этом рассказывал, за прием в клуб бессребреника Фридриха Хиршбюля.

Следующая папка. «Уставная деятельность». Приходы лекарств, отдельные реестры по наркотикам. Расход... А почему – сводный? Пётрович глянул на месячный отчет расхода лекарств, подписанный психиатром. Форма-то стандартная, от министерства, как и в любой больнице. Но в больнице есть истории болезней. Так что, дорогой, будь добр, по каждому пациенту – выписку. Кто что принимал и – сколько.

Дальше. Спектакли. «Смета на сооружение сцены и оборудование зрительного зала». Написали бы просто – скамейки. Смета выглядит вроде прилично. Но кубатура древесины нигде не указана. Сказочник говорил об актах списания. Вот и они. Так, «списать на отопление двадцать скамеек».

Тоже не пойдет. Нужно указывать кубатуру. И само дерево. Мало ли какие скамейки. Может, из сандалового дерева. А это что такое? «Списать на расходные материалы занавес». Это – немой уборщице на тряпки, что ли?

Вот здесь все в порядке. Пётрович стал листать подборку «Посещение казино»: квитанция заказа железнодорожных билетов в транспортном агентстве. Надо же, они пользуются услугами того же агентства, что и мы, это – где работает Милена, подруга моей секретарши. Сами билеты. Счет гостиницы. По всем номерам – отдельный. Кто-то заглядывает в мини-бар, кто-то очень долго разговаривает по телефону, а кто-то смотрит ночные развлекательные каналы. Видно, их массовик, если это, как сказал Оле-Лукойе, его епархия, понимает в отчетности.

Вообще-то, это не дело. Пётрович неторопливо листал папку дальше. Вот они, прыжки со скалы на веревке. Роп-джемпинг. Билеты на прыжки. И здесь опять – ужин в казино. Нет, не дело это. Еще не хватало, чтобы клуб оплачивал и проигрыши в казино. Если кто-нибудь в департаменте финансов обратит внимание на то, как члены клуба увлекаются ночной телевизионной эротикой, которая ему недоступна не потому, что жена спит рядом, а потому, что она так же дотошно проверяет счета за телевизор, как он – за телефон, то этот кто-то наверняка скажет, что ночная эротика – это не терапия психических расстройств, а элементарное оказание услуг. Так что, ребята, высчитываете из взносов за-

траты на девочек и – платите налог на прибыль.

Ладно, посмотрим, что там еще. Он взял папку «Благотворительная деятельность». Папка была совсем тонкая. А, это помощь приходу. Заказ в типографии на катехизисы. Ремонт притвора. Смета на работы общей площадью тридцать квэ-мэ. Акт приемки. Сходить бы, посмотреть на эти тридцать отремонтированных квэ-мэ. Сумма-то немаленькая. А там, может, просто все елеем замазали.

Да, если по-хорошему отнестись к этой работе, то гоно-рар окажется совсем не преувеличенным. Пётрович откинулся на спинку стула и раскурил давно потухшую трубку. Он потянулся за бутылкой пива, наполнил стакан, как вдруг его ударило. Аудитор стал перебирать просмотренные папки. Вот посещение казино в Рейнензиштадте. Это же там, где упал с перрона (как его? Пётрович опять стал рыться в бумагах) Фридрих Хиршбюль. Нет, в казино они ездили летом, а несчастный случай произошел перед самым Рождеством. Но совпадение ли это? Что ему позавчера сказал следователь – маленькие случайности ведут к большим неприятностям.

И в этот момент дверь открылась, и служанка внесла обед.

Сиеста

После обеда потянуло в сон. Когда это происходило на работе, то он вызывал секретаршу, просил часок его не беспокоить, она отключала телефон, доставала из нижнего ящика книжного шкафа вышитую подушку и мягкий шотландский плед, а он, скинув ботинки, устраивался на кожаном диване. Любяна заботливо укрывала его пледом, и он засыпал. Бюро затихало. Сиеста шефа – это святое¹⁸. А когда тянуло в сон после обеда в стенах заказчика, то у Пётровича за многие годы выработался безотказный прием. Он доставал из внутреннего кармана массивные очки в роговой оправе, но без диоптрий, надевал их, усаживался в кресло или на стул, сдвигал очки на самый кончик носа, клал перед собой на стол лист бумаги или какой-нибудь из документов и ручку. Создавалось впечатление, что он над чем-то серьезно думает. Конечно, такая сиеста не была глубокой. Подремав минут пять-десять, он поднимал голову, выводил на бумаге одну-две строчки и – опять отключался.

¹⁸ *Сиеста* – послеобеденный сон в южноевропейских странах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.